

Услышав голос Вэйиньсы, Шань остановился, не дойдя до него всего несколько шагов.

Его разноцветные глаза пытливо изучали Вэйиньсы, а на лице застыла неизменная улыбка. В этом взгляде сквозило такое собственничество, словно он любовался драгоценностью, которую наконец-то удалось вернуть после долгой потери.

— Нет, ты и есть Вэйиньсы, — улыбнулся Шань.

Его тон звучал предельно утвердительно, с той уверенностью, которая не допускала возражений:

— Как я мог тебя не узнать?

Сердце Вэйиньсы сжалось и на мгновение замерло. Он расслабился, будучи уверенным, что Шань никогда его не отыщет, да и годы скитаний заставили его почти забыть о прошлом. Они принадлежали к одному роду, обладали чувствами, куда более острыми, чем у обычных людей, и связывали их узы наставника и ученика — связь, которая была куда крепче кровного родства. Даже сменив имя и скрыв свою внешность, он не мог полностью изменить собственную ауру, когда находился рядом с Шанем.

— Не смей называть меня этим именем, — в голосе Вэйиньсы зазвучало отвращение. — И не смей говорить со мной в таком тоне, старик.

Он стоял на месте, глубоко вдыхая воздух, не желая принимать реальность, но не видя иного выхода:

— Как ты здесь оказался?

Вэйиньсы впился взглядом в лицо Шаня, пытаясь найти ответ на ненавистной физиономии. Разве те консерваторы из Священной земли, и в особенности сам Шань, не ставили во главу угла все эти замшелые традиции и священный долг? Разве не было четкого правила, запрещающего Хранителям покидать Священную землю и вмешиваться в дела внешнего мира? И тем не менее этот человек открыто нарушил правила и явился сюда — туда, где Вэйиньсы, сбежав шесть лет назад, наконец-то обрел покой.

Вэйиньсы невольно усомнился, реальность ли это, а не какой-то кошмарный сон.

Шань, стоявший неподалеку, не спешил с ответом. Он лишь слегка склонил голову, и в его разноцветных глазах отразилась фигура Вэйиньсы. Он внимательно разглядывал юношу: округлые черты лица, оставшиеся в памяти, заострились, а детская мягкость сменилась холодной жесткостью. В знакомых алых глазах застыла настороженность и отчужденность, которых раньше там никогда не было — лишь природный цвет глаз остался прежним. Шесть лет превратили росток в колючий кустарник. Шань чувствовал, что человек перед ним

изменился, но признавать это он не хотел.

Взгляд Шаня был слишком прямым, слишком пристальным. Вэйиньсы почувствовал раздражение и тянущую боль в желудке. Он плотнее запахнул плащ, пытаясь скрыться от этого взгляда.

— Искал тебя, — кратко и ясно ответил Шань. Улыбка в уголках его губ стала чуть шире, словно в этом не было ничего более естественного.

— Искал меня? — Вэйиньсы словно услышал нелепую шутку и насмешливо фыркнул. — Что такое? В лесу закончились ягоды? Или ты наконец-то до дыр разглядел свои древние камни и вспомнил о своем забытом ученике?

Он намеренно выделил слово ученик, и в его голосе сквозила нескрываемая издевка. Когда он только покинул Шаня, он мечтал, что тот придет за ним. В моменты смертельной опасности он грезил, что Шань появится, как в былые времена в Священной земле, и спасет его. Но реальность оказалась иной. Клятва защиты оказалась лишь пустым обещанием, которое никто не собирался исполнять. Какой долг? Какие правила о запрете покидать Священную землю? Посмотрите на него: он не рядом с Шанем, не на Священной земле, и при этом вполне себе жив.

Улыбка на лице Шаня чуть померкла, брови слегка сошлись к переносице. Казалось, он не понимает, почему слова Вэйиньсы звучат так язвительно:

— Ты ушел от меня шесть лет назад и покинул пределы Священной земли.

Он говорил медленно, с оттенком недоумения:

— Правила Священной земли... строго запрещают невыбранным сородичам подолгу находиться вне барьера.

— Ха? Правила? — при этих ненавистных словах лицо Вэйиньсы стало еще холоднее. — Теперь ты вспомнил о правилах? И поэтому проделал такой путь, чтобы затащить меня обратно? Где были твои правила, когда я в двадцать лет уходил из Священной земли?

Он сделал шаг вперед, в упор глядя в глаза Шаня, и от него повеяло неприкрытой враждебностью:

— Говорю тебе: я больше не тот мальчишка шестилетней давности, которым можно помыкать. Это не твой лес, а я — не твоя собственность. А теперь — немедленно исчезни с моих глаз.

Шань не отступил и не разозлился на враждебность Вэйиньсы. Он просто безмолвно смотрел на него. Золотой левый глаз мерцал мягким светом, а серый правый был подобен глубокому

ому, подернутому дымкой, в глубине которого бурлили сложные чувства. В них переплетались и радость от того, что ребенок вырос, и яростное собственничество, твердящее, что, несмотря ни на что, он все еще принадлежит ему.

— Пойдем со мной, — снова произнес Шань. Его голос оставался спокойным, но в нем слышалось все то же упрямство, не терпящее возражений.

— Вернуться? — Вэйиньсы словно услышал нечто немыслимое. — Вернуться в тот лес, где нет никакой свободы? Или в твой холодный дом, где висит портрет какой-то женщины? Даже не мечтай!

При упоминании портрета в глазах Вэйиньсы на мгновение промелькнуло сложное чувство, но оно тут же исчезло, не успев оформиться. Тот портрет был связан с главной загадкой его юности. Вэйиньсы не был похож на жителей своей деревни, а женщина на картине обладала такими же красными волосами, такими же алыми глазами, такой же белоснежной кожей и поразительно похожими чертами лица. За семь лет, что он провел в лесу под присмотром Шаня, он бесчисленное количество раз пробирался в его комнату, чтобы посмотреть на этот портрет, но кроме смутения о собственном происхождении, ничего не чувствовал. Тогда в нем зародилось нелепое предположение: возможно, Шань — его отец. Хотя все последующие факты говорили об обратном, неопределенность заставляла Вэйиньсы цепляться за эту абсурдную догадку. Она помогала ему переживать тяжелые ночи и делала его чувства к Шаню еще более запутанными. Он ненавидел его за то, что тот силой увез его, но в то же время жаждал тепла и в глубине души зависел от его непостижимой силы.

Лишь в двадцать лет он окончательно осознал: Шань никогда не откроет ему правду, он просто хочет полностью контролировать его жизнь. Эта зависимость превратилась в решительный бунт, и он выбрал побег. Побег от Шаня, побег из так называемой Священной земли.

— Тот человек, она... — Шань, казалось, хотел что-то объяснить.

Но слова застряли у него в горле. То ли он не знал, как выразить мысли, то ли считал, что в этом нет нужды. Помолчав, он снова твердо сказал:

— Будь послушным, пойдем со мной.

— Я сказал — нет! — терпение Вэйиньсы окончательно лопнуло. Он хотел лишь одного — уйти отсюда. — Не ходи за мной, иначе не обессудь.

Он резко развернулся и зашагал вглубь рынка, торопливо, словно за ним гнался какой-то дикий зверь. Однако, едва он успел сделать несколько шагов, как позади послышался едва уловимый свист воздуха. Он инстинктивно уклонился, одновременно потянувшись к спрятанному на поясе кинжалу, а на кончиках его пальцев вспыхнуло слабое пламя магического огня.

Но его движения перед Шанем оказались слишком медленными.

Теплая рука легко перехватила его запястье. Несмотря на мягкость захвата, в нем чувствовалась особая техника, из-за которой Вэйиньсы не мог вырваться, а его магия тут же развеялась.

Вэйиньсы резко обернулся и встретился взглядом с невозмутимыми глазами Шаня.

<http://bllate.org/book/22458/2361941>